

Анатолий Алексин «Самый счастливый день»

Учительница Валентина Георгиевна сказала:

- Завтра наступают зимние каникулы. Я не сомневаюсь, что каждый ваш день будет очень счастливым. Вас ждут выставки и музеи! Но будет и какой-нибудь самый счастливый день. Я в этом не сомневаюсь! Вот о нем напишите домашнее сочинение. Лучшую работу я прочту вслух, всему классу! Итак, "Мой самый счастливый день"!

Я заметил: Валентина Георгиевна любит, чтобы мы в сочинениях обязательно писали о чем-нибудь самом: "Мой самый надежный друг", "Моя самая любимая книга", "Мой самый счастливый день".

А в ночь под Новый год мама с папой поссорились. Я не знаю из-за чего, потому что Новый год они встречали где-то у знакомых и вернулись домой очень поздно. А утром не разговаривали друг с другом...

Это хуже всего! Уж лучше бы пошумели, поспорили и помирились. А то ходят как-то особенно спокойно и разговаривают со мной как-то особенно тихо, будто ничего не случилось. Но я-то в таких случаях всегда чувствую: что-то случилось. А когда кончится то, что случилось, не поймешь. Они же друг с другом не разговаривают! Как во время болезни... Если вдруг поднимается температура, даже до сорока - это не так уж страшно: ее можно сбить лекарствами. И вообще, мне кажется, чем выше температура, тем легче бывает определить болезнь. И вылечить... А вот когда однажды врач посмотрел на меня как-то очень задумчиво и сказал маме: "Температура-то у него нормальная...", мне сразу стало не по себе.

В общем, в первый день зимних каникул у нас дома было так спокойно и тихо, что мне захотелось идти на елку.

Когда мама и папа ссорятся, я всегда очень переживаю. Хотя именно в эти дни я мог бы добиться от них всего, что угодно! Стоило мне, к примеру, отказаться от елки, как папа сразу же предложил мне пойти в планетарий. А мама сказала, что с удовольствием пошла бы со мной на каток. Они всегда в таких случаях старались изо всех сил доказать, что их ссора никак не отразится на моем жизненном уровне. И что она вообще никакого отношения ко мне не имеет... Но я очень переживал. Особенно мне стало грустно, когда за завтраком папа спросил меня:

- Не забыл ли ты поздравить маму с Новым годом? А потом мама, не глядя в папину сторону, сказала:

- Принеси отцу газету. Я слышала: ее только что опустили в ящик.

Она называла папу "отцом" только в редчайших случаях. Это во-первых. А во-вторых, каждый из них опять убеждал меня: "Что бы там между нами ни произошло, это касается только нас!"

Но на самом деле это касалось и меня тоже. Даже очень касалось! И я отказался от планетария. И на каток не пошел... "Пусть лучше не разлучаются. Не разъезжаются в разные стороны! - решил я.- Может быть, к вечеру все пройдет". Но они так и не сказали друг другу ни слова!

Если бы бабушка пришла к нам, мама и папа, я думаю, помирились бы: они не любили огорчать ее. Но бабушка уехала на десять дней в другой город, к одной из своих "школьных подруг".

Она почему-то всегда ездила к этой подруге в дни каникул, будто они обе до сих пор были школьницами и в другое время никак встретиться не могли.

Я старался не выпускать своих родителей из поля зрения ни на минуту. Как только они возвращались с работы, я сразу же обращался к ним с такими просьбами, которые заставляли их

обоих быть дома и даже в одной комнате. А просьбы мои они" выполняли беспрекословно. Они в этом прямо-таки соревновались друг с другом! И все время как бы тайком, незаметно поглаживали меня по голове. "Жалеют, сочувствуют...- думал я,- значит, происходит что-то серьезное!"

Учительница Валентина Георгиевна была уверена, что каждый день моих зимних каникул будет очень счастливым. Она сказала: "Я в этом не сомневаюсь!" Но прошло целых пять дней, а счастья все не было.

"Отвыкнут разговаривать друг с другом,- рассуждал я.- А потом..." Мне стало страшно. И я твердо решил помирить маму с папой.

Действовать надо было быстро, решительно. Но как?..

Я где-то читал или даже слышал по радио, что радость и горе объединяют людей. Конечно, доставить радость труднее, чем горе. Чтобы обрадовать человека, сделать его счастливым, надо потрудиться, поискать, постараться. А испортить настроение легче всего! Но не хочется... И я решил начать с радости. Если бы я ходил в школу, то сделал бы невозможное: получил бы четверку по геометрии. Математичка говорит, что у меня нет никакого "пространственного представления", и даже написала об этом в письме, адресованном папе. А я вдруг приношу четверку! Мама с папой целуют меня, а потом и сами целуются...

Но это были мечты: никто еще не получал отметок во время каникул!

Какую же радость можно было доставить родителям в эти Дни?

Я решил произвести дома уборку. Я долго возился с тряпками и со щетками. Но беда была в том, что мама накануне Нового года сама целый день убиралась. А когда моешь уже вымытый пол и вытираешь тряпкой шкаф, на котором нет пыли, никто потом не замечает твоей работы. Мои родители, вернувшись вечером, обратили внимание не на то, что пол был весь чистый, а на то, что я был весь грязный.

- Делал уборку! - сообщил я.

- Очень хорошо, что ты стараешься помочь маме,- сказал папа, не глядя в мамину сторону.

Мама поцеловала меня и погладила по голове, как какого-нибудь круглого сироту.

На следующий день я, хоть были каникулы, поднялся в семь утра, включил радио и стал делать гимнастику и обтирание, чего раньше не делал почти ни разу. Я топал по квартире, громко дышал и брызгался.

- Отцу тоже не мешало бы этим заняться,-сказала мама, не глядя на папу.

А папа погладил меня по шее... Я чуть не расплакался.

Одним словом, радость не объединяла их. Не примиряла... Они радовались как-то порознь, в одиночку.

И тогда я пошел на крайность: я решил объединить их при помощи горя!

Конечно, лучше, всего было бы заболеть. Я готов был все каникулы пролежать в постели, метаться в бреду и глотать любые лекарства, лишь бы мои родители вновь заговорили друг с другом. И все было бы снова, как прежде... Да, конечно, лучше всего было бы сделать вид, что я заболел - тяжело, почти неизлечимо.

Но, к сожалению, на свете существовали градусники и врачи.

Оставалось только исчезнуть из дому, временно потеряться.

В тот же день вечером я сказал:

- Пойду к Могиле. По важному делу!

Могила - это прозвище моего приятеля Женьки. О чем бы Женька ни говорил, он всегда начинал так: "Дай слово, что никому не расскажешь!" Я давал.

"Могила?" - "Могила!" - отвечал я.

И что бы я ни рассказывал Женьке, он всегда уверял: "Никогда! Никому! Я - могила!" Он так долго всех в этом уверял, что его и прозвали Могилой.

В тот вечер мне нужен был человек, который умел хранить тайны!

- Ты надолго? - спросил папа.

- Нет. Минут на двадцать. Не больше!-ответил я. И крепко поцеловал папу.

Потом я поцеловал маму так, будто отправлялся на фронт или на Северный полюс. Мама и папа переглянулись. Горе еще не пришло к ним. Пока была лишь тревога. Но они уже чуть-чуть сблизились. Я это почувствовал. И пошел к Женьке.

Когда я пришел к нему, вид у меня был такой, что он спросил:

- Ты убежал из дому?.

- Да...

- Правильно! Давно пора! Можешь не волноваться: никто не узнает. Могила!

Женька понятия ни о чем не имел, но он очень любил, чтобы убежали, прятались и скрывались.

- Каждые пять минут ты будешь звонить моим родителям и говорить, что очень ждешь меня, а я еще не пришел... Понимаешь? Пока не почувствуешь, что они от волнения сходят с ума. Не в буквальном смысле, конечно...

- А зачем это? А?! Я - никому! Никогда! Могила!.. Ты знаешь...

Но разве я мог рассказать об этом даже Могиле?

Женька начал звонить. Подходили то мама, то папа - в зависимости от того, кто

из них оказывался в коридоре, где на столике стоял наш телефон.

Но после пятого Женькиного звонка мама и папа уже не уходили из коридора.

А потом они сами стали звонить...

- Он еще не пришел? - спрашивала мама.- Не может быть! Значит, что-то случилось...

- Я тоже волнуюсь,- отвечал Женька.- Мы должны были встретиться по важному делу! Но, может быть, он все-таки жив?..

- По какому делу?

- Это секрет! Не могу сказать. Я поклялся. Но он очень спешил ко мне... Что-то случилось!

- Ты не переживай,- предупредил я Могилу.- У мамы голос дрожит?

- Дрожит.

- Очень дрожит?

- Пока что не очень. Но задрожит в полную силу! Можешь не сомневаться. Уж я-то...

- Ни в коем случае!

Мне было жалко маму и папу. Особенно маму... Папы в таких случаях бывают как-то спокойнее. Я давно это заметил. А мама... Но я действовал ради высокой цели! Я спасал нашу семью. И нужно было переступить через жалость!

Меня хватило на час.

- Что она сказала? - спросил я у Женьки после очередного маминого звонка.

- "Мы сходим с ума"! - радостно сообщил Женька. Он был в восторге.

- Она сказала: "Мы сходим..."? Именно - мы? Ты это точно запомнил?

- Умереть мне на этом месте! Но надо их еще немного помучить,- сказал Женька.- Пусть позвонят в милицию, в морг...

- Ни за что!

Я помчался домой!..

Дверь я открыл своим ключом тихо, почти бесшумно. Папа цыпочках вошел в коридор.

Папа и мама сидели по обе стороны телефона, бледные, измученные. И глядели друг другу в глаза... Они страдали вместе, вдвоем. Это было прекрасно!

Вдруг они вскочили... Стали целовать и обнимать меня, а потом друг друга.

Это и был самый счастливый день моих зимних каникул.

От сердца у меня отлегло, и на завтра я сел за домашнее сочинение. Я написал, что самым счастливым днем был тот, когда я ходил в Третьяковскую галерею.

Хоть на самом деле я был там полтора года назад.